

книга №6 из серии психологических триллеров о хлое файн

затемнённые окна

блейк пирс

Загадки Хлои Файн – Психологический детектив

Блейк Пирс

Затемнённые окна

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Затемнённые окна / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd», — (Загадки Хлои Файн – Психологический детектив)

Это книга номер шесть в новой серии психологических триллеров от автора бестселлеров Блейка Пирса, чьи бестселлеры номер один получили более тысячи пятизвёздочных отзывов. Когда популярный персональный тренер убит в элитном пригороде, специальный агент ФБР VICAR Хлоя Файн, двадцать семь лет, вызвана, чтобы разобраться в маленьком городке, полном изменяющих супругов, и выяснить, кто мог желать его смерти — и почему. За ухоженными газонами, узнаёт Хлоя, скрываются разрушенные браки, одинокие супруги, секреты и бесконечная ложь — всё это прячется за завесой совершенства. Под тщательно выстроенным фасадом безупречного, добропорядочного сообщества лежит насквозь лживое население. Какие секреты привели к убийству этого человека? И кто станет следующей жертвой? Эмоционально напряжённый психологический триллер с многогранными персонажами, атмосферой маленького городка и захватывающим дух саспенсом — это книга номер шесть в захватывающей новой серии, которая заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи.

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	18
ГЛАВА ПЯТАЯ	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ	24
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	30
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

БЛЕЙК ПИРС ЗАТЕМНЁННЫЕ ОКНА

**КНИГА №6 ИЗ СЕРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ТРИЛЛЕРОВ О ХЛОЕ ФАЙН**

ПРОЛОГ

Виктор Бьюрман слышал легенды и байки о «эйфории бегуна». Сам он никогда её не испытывал – по крайней мере, от бега. Хотя Виктор тренировался чаще среднего мужчины, бег не был тем, во что он по-настоящему верил. Иногда он выходил на лёгкую пробежку, но забеги на пределе – это было не про него. Впрочем, он и не завидовал тем, кто испытал эту эйфорию. Нет, он и без бега ощущал её не раз. Как персональный тренер он знал: так называемая «эйфория бегуна» доступна каждому, кто занимается хоть чем-то и не боится довести себя до предела.

Пару раз он ловил это состояние на круговой тренировке с гирей, которой следовал почти как ритуалу, а ещё – во время жёсткой силовой сессии несколько месяцев назад, когда загнал руки до полного отказа. Эта «эйфория» была не чем иным, как включением в организме ещё одной передачи, которую большинство людей держит спрятанной – передачи, до которой добиваешься, только проломив физические барьеры и ограничения, которые люди сами себе возводят.

Когда он вышел из дома на Примроуз-стрит, Виктор был на совсем другом подъёме. Он чувствовал себя авантюристом и как минимум на двадцать лет моложе своих тридцати восьми. Он только что закончил последнюю тренировку на сегодня – день выдался сумасшедшим: пять выездных занятий по домам и ещё два – в местном спортзале. Он был выжат и измучен... и всё же переживал состояние, очень похожее на ту самую «эйфорию бегуна».

Самую приятную клиентку он оставил напоследок. Тереза Диас – сорокасемилетняя женщина, с которой он занимался уже больше года. За этот год его тренировки помогли ей сбросить больше четырнадцати килограммов, приблизив её к телу, о котором она мечтала. Заметное похудение добавило ей и уверенности.

Виктор предполагал, что именно поэтому она так напористо начала этот роман. Она была замужем – уже двадцать три года. Она откровенно призналась, что мужу на неё плевать: он обращает на неё внимание лишь тогда, когда она нужна ему для удовлетворения собственных потребностей. Этот разговор и распахнул для Виктора дверь. И хотя он сам тоже был женат, он воспользовался случаем.

Это была не первая клиентка, с которой он переспал, так что он уже научился отгонять мысли о вине. С Терезой они занимались сексом уже почти три месяца – после того как прожили напряжение совместных тренировок целых пятнадцать. Виктор знал, что она будет хороша. Похожий опыт год назад навёл его на эту мысль: женщины, которых мужья годами не замечали, а потом они вдруг вновь обретают уверенность, обычно оказываются в постели жадными, готовыми на всё и напористыми.

Как и всего пять минут назад – у них с Терезой, на полу в гостиной.

Он понимал, что спешить не нужно: муж Терезы был в отъезде. Он сам обмолвился об этом, когда созванивался с ней по видеосвязи – в тот момент, когда они *действительно* занимались. И всё же, уходя от неё, Виктор трусил чуть быстрее обычного. До его собственного дома было недалеко – всего шесть кварталов к востоку. Получится славная, бодрая пробежка. Ночь только опустилась, и на улице было прохладно – около шестнадцати градусов.

Он снова и снова прокручивал в голове ту тренировку – точнее, то, что было после, внеплановую часть, за которую ему не платили, а не саму работу. Это было из разряда фантазий, словно сцена прямо из порносценария. За годы работы персональным тренером у него случилось немало побед, но Тереза Диас, он был уверен, окажется лучшей. Когда они оставались наедине и дело доходило до тела, казалось, будто она вымещает на нём всю злость от безлюбовного брака и двадцати трёх лет, выброшенных на помойку. А он был только рад ей это

позволить. Пожалуй, в каком-то странном смысле ему стоило бы благодарить этого жалкого подобия мужа —

Мысль оборвалась с визгом тормозов, когда он увидел, как в него что-то летит.

Он понятия не имел, что это. Машина? Кто-то швырнул в него что-то? Он не знал. Знал лишь одно: это с чудовищной силой врезалось ему в живот.

Виктор согнулся пополам и рухнул на одно колено. И в этот момент успел разглядеть предмет, ударивший его. Алюминиевая бейсбольная бита. И едва он заметил её, как она уже взлетала вверх. Виктор попытался втянуть воздух, но не смог вдохнуть. Удар выбил из него весь дух и отозвался страшной болью в правом боку. Всё это сложилось в тошнотворный вывод, когда он увидел, как бита снова падает вниз.

На этот раз она ударила его в грудь. Звук был странный – будто били по пустой картонной коробке, а не по его груди. В грудной клетке вспыхнула боль, словно внутри что-то разлетелось вдребезги. Он попытался закричать, но по-прежнему не мог вдохнуть. Зато он вскинул руки, увидев, что бита уже опускается для следующего удара.

Он действительно остановил биту, не дав ей снова ударить по груди, но правое запястье разлетелось на куски. Из его губ вырвался жалобный, тонкий стон – и он наконец смог вдохнуть.

Он разглядел силуэт за битой. Мужской, но лица не было видно. Сквозь боль он успел подумать, не муж ли это Терезы. Вроде сходится, но —

Логика и здравый смысл разбежались кто куда, когда бита снова обрушилась вниз. На этот раз – по левому боку, ломая рёбра. Он снова попытался закричать, но было слишком – не хватало воздуха, боль была невыносимой. Он раскрыл рот, надеясь, что *хоть что-то* вырвется наружу.

Но не вырвалось ничего. Только взлёт и падение биты. Его снова ударили в живот, потом в грудь, а затем – новый катаклизм боли: удар пришёлся в правое плечо, превращая кость в труху.

Виктор сбился со счёта, сколько раз бита взлетала и падала.

Где-то на девятом или десятом ударе внутри него словно что-то оборвалось – лопнуло, как невидимая нить. Он увидел, как бита снова опускается, но, к счастью, боли уже не почувствовал: внезапная тьма налетела и унесла его прочь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хлоя Файн слушала голос своего покойного отца, пока за окнами гремела позднелетняя гроза. Она сидела на диване в своей тихой квартире, сжимая в руке диктофон сестры. Она нажимала «воспроизвести», слушала немного, а потом перематывала назад, чтобы услышать это снова. На ней была старая футболка и удобные пижамные штаны; она подтянула колени к груди – совсем как маленькая девочка, слушающая мрачную сказку перед сном.

Она раз за разом прокручивала одну-единственную фразу, в которой он признавался, что убийство её матери было заранее спланировано. Это стало почти мантрой – как припев песни, который намертво застревает в голове.

Снаружи глухо перекачивался гром, и Хлоя слушала его в последний раз. Она держала диктофон обеими руками – почти так, будто ждала, что он вот-вот оживёт, и тогда она будет готова задушить его. Она снова прокрутила те же шестнадцать секунд, пытаясь представить, через что пришлось пройти Даниэль в том старом заброшенном складе.

Она странным образом гордилась сестрой – и вместе с тем её немного пугало, на что та пошла, чтобы добыть это признание.

Хлоя остановила запись и положила диктофон на журнальный столик. Она посидела в тишине, пытаясь привыкнуть к нынешнему состоянию своей жизни. Она делала так не впервые. Слишком многое навалилось, слишком многое нужно было переварить.

Прошло пять дней с тех пор, как они с Даниэль похоронили отца на неприметном клочке леса в Техасе. Закопали достаточно глубоко, и хотя она понимала, что когда-нибудь тело, возможно, обнаружит какая-нибудь живность, это случится ещё очень нескоро – через много лет. Она допускала: если бы кто-то всерьёз взялся искать недавно пропавшего Эйдена Файна, то теоретически мог бы наткнуться там на его останки. Но искать пришлось бы долго и упорно.

В этом и была прелесть. Никто не станет его искать. Ему некому было по-настоящему пожалеть, что он исчез. Никому.

К тому же, насколько знали какие бы то ни было правоохранительные органы, Эйден Файн пустился в бег – и, вероятно, к этому времени уже где-то в Мексике.

Ложь была простой и одновременно непростой. А поскольку у сестёр история совпадала – не говоря уже о том, что одна из них была агентом ФБР и как минимум однажды довольно откровенно высказывалась о своём отдалившемся от неё отце, – никто особенно и не сомневался. Сейчас по всему штату шла охота на Эйдена Файна.

Вот это-то и было единственным, за что Хлоя по-настоящему чувствовала вину. Она знала, что бюро тратит ресурсы на его поиски. Но она также знала: когда примерно через две недели след окончательно остынет, дело начнёт выдыхаться, пока в итоге не превратится просто в далёкую, безнадёжную папку, задвинутую в глубины бесконечных архивов – стопок и гигабайтов файлов.

Эйден Файн похитил собственную дочь. Всё началось с того, что он пригласил её к себе на ужин. Разговор накалился, вспыхнула короткая драка, а потом Эйден, воспользовавшись машиной Даниэль, увёз её в какую-то захолустную дырку в Техасе. Он привёз её туда, потому что знал: когда-то она уже пыталась сбежать оттуда. По словам Даниэль, он говорил, что делает это, чтобы сломить её, чтобы дать понять: даже когда она бежала от своих демонов, он всё равно знал, где она.

Хотя бюро охотно проглотило эту историю, Хлое всё равно досталось. В конце концов, она поехала спасать сестру и сознательно шагнула в опасную ситуацию. Насколько им было известно, Эйдену удалось улизнуть от Хлои и Даниэль и пуститься наутёк.

Глядя на диктофон, Хлоя не могла отделаться от мысли, что они всё сделали неправильно. Полиция и бюро, конечно, диктофона не видели. Нет, Хлоя забрала его – потому что

Даниэль то тут, то там обронила пару фраз, которые выдавали настоящую историю: это *она* похитила *его*.

И всё же у них было признание. Его бы хватило, чтобы упечь его за решётку. А потом они могли бы подправить рассказ: мол, после этого он попытался убить Даниэль, и ей пришлось застрелить его, защищаясь. Да, при таком раскладе оставалось бы чуть больше хвостов, но зато пришлось бы куда меньше врать тому самому бюро, в котором она работала.

В конце концов, она решила, что это уже неважно. Какую бы версию они ни выбрали, на самый главный вопрос всё равно ответа не было бы.

Её сестра убила их отца. И если бы дошло до этого, Хлоя тоже убила бы его – если бы это означало спасти Даниэль. Отсюда возникал вопрос: не жили ли в них обеих та же тьма, что была у их отца?

А теперь, когда они вместе скрыли такой грех, не станет ли эта тьма держать их ещё крепче?

Хлоя уснула под грозу, растянувшись на диване. На следующее утро будильник истошно завопил из спальни; она села, и спину пронзила боль – расплата за то, что она так неловко проспала на диване. Она дошла до спальни, потягиваясь и разминая спину, и хлопнула по кнопке будильника, заставив его умолкнуть.

Она оглядела спальню и поняла, что последние пять дней провела будто в тумане. Нужно было прибраться. Нужно было постирать. Нужно было нормально поесть – а не разогреть что-то в микроволновке.

Она прикинула, не позвонить ли и не взять ли больничный. Она была уверена, что директор Джонсон раскусит её, но после того, через что они с сестрой только что прошли, он, наверное, отнёсся бы с пониманием. Она быстро приняла горячий душ, чтобы размять спину, надеясь, что это поможет ей прийти в себя и выбраться из той хандры, в которой она увязла. Помогло немного, хотя, вытершись и одевшись, она всё равно ловила себя на мысли, что не отказалась бы от дня-другого отдыха.

Она уже потянулась за телефоном, чтобы позвонить, но тот зазвонил раньше, чем она успела его взять. Увидев, что звонят из штаб-квартиры ФБР, она поморщилась. *Ну вот и все выходные, значит...*

Она ответила и выслушала, как секретарь Джонсона бодро произнесла *Доброе утро*, после чего переключила её на прямую линию кабинета Джонсона.

– Агент Файн, я застал вас до того, как вы ушли на работу? – спросил Джонсон.

– Да, сэр.

– Отлично. Мне нужно, чтобы вы были у меня в кабинете как можно скорее. Есть вводная – надо её обсудить, если вы в состоянии.

Честно говоря, она и сама не знала, в состоянии ли. Но она точно знала другое: если она ещё пару дней просидит в квартире, снова и снова прокручивая в голове всё, что они с Даниэль натворили и нагородили, она, пожалуй, начнёт сходить с ума. Она на секунду поиграла мыслью отказаться от разбора и снова изобразить больную – но лишь на секунду. Где-то там была потенциально новая работа. Разумеется, она возьмётся.

– Хорошо, – сказала она, всё ещё не решив, правда ли это. – Буду через полчаса.

Она торопливо оделась и, прежде чем выйти, жадно проглотила быстрый завтрак – хлопья и тост. Даже это было приятной переменой. Режим – отличный способ снова войти в колею. Хотя мрак давил на неё всего последние пять дней, эти пять дней отбросили её назад и умственно, и эмоционально. Да, она ходила на работу, но, оказавшись там, чувствовала себя не больше чем бездумным автоматом: голова была занята миллионом других вещей.

Но теперь, когда она ехала на работу, чтобы получить детали возможного дела, всё ощущалось иначе. Впервые с тех пор, как она уехала из Техаса, ей показалось, что она, может быть, сможет начать двигаться к тому, чтобы оставить всё это позади.

Приехав, она не стала терять время. Сразу направилась к кабинету Джонсона, гадая, что за дело он ей подкинет. Почему-то за ней закрепилась репутация агента, который раскрывает грязные истории в благополучных пригородах – те, где замешаны богатые избалованные взрослые, годами прячущие секреты.

Похоже, я'd там как раз приишлась ко двору, подумала она. Потому что, как бы я ни хотела это отрицать, теперь у меня есть секреты, от которых я'm уже никогда не убегу.

Когда она добралась до кабинета Джонсона, то направилась к месту, которое обычно занимала у переднего края его стола. Но тут увидела, что его за столом нет. Вместо этого он сидел за небольшим столом для совещаний в глубине кабинета. И сидел не один. Рядом с ним были ещё мужчина и женщина. Мужчину она уже видела; его звали Бо Крэддок, и на служебной лестнице Бюро он стоял где-то очень высоко – уж точно выше директора Джонсона. Женщину она видела впервые, но раз она была в компании Крэддока, Хлоя решила, что и она из верхушки.

– Агент Файн, – сказал Джонсон. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Ладно...

Свободным был только один стул – в самом конце стола. Хлоя заняла его, вежливо кивнув присутствующим.

– Агент Файн, позвольте представить вам заместителя директора Крэддока и специального советника директора Сару Кирш.

Крэддок и Кирш ничего не ответили. Кирш, правда, сумела изобразить довольно фальшивую улыбку.

– Мы бы хотели услышать хронологию событий – как всё происходило, когда вы были в Техасе и искали сестру, – сказал Крэддок.

Холодный узел ужаса стянул Хлое нутро. Она в растерянности посмотрела прямо на Джонсона.

– Сэр, я уже дважды всё это рассказывала – один раз вам и один раз полиции. Это правда необходимо?

– Откровенно говоря, скорее нет, – сказала Кирш, не дожидаясь ответа Джонсона. – Но как есть, вы оказались на месте, где мужчина, которого сейчас разыскивают за похищение и насилие, удерживал свою жертву. Так что да, ваши показания стоит выслушать.

Джонсон пожал плечами и посмотрел на неё выражением *ну-а-что-поделаешь*.

– Извини, Файн, но то, что ты близкая родственница и похищенной, и похитителя, не даёт тебе поблажек. Очевидно, это привлекло внимание верхних кабинетов. Но, как я им сказал, всё сходится. Ничего подозрительного тут нет. Им просто хочется услышать всё своими ушами.

Ничего подозрительного, чёрта с два, подумала Хлоя. Если бы тут не было ничего подозрительного, ты бы сказал, что это будет, когда звонил утром. А вместо этого подложил мне свинью. Ты пытаешься меня подловить, ублюдок.

Но что она могла сделать?

Она откинулась на спинку стула, ощущая, будто добровольно сунула ногу в медвежий капкан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Крэддок начал допрос. При этом на его лице играла едва заметная улыбка. Хлоя была уверена: она должна была помочь ей расслабиться, но вместо этого казалось, будто ему доставляет удовольствие мучить её.

– Агент Файн, откуда вам стало известно, где находится ваша сестра?

Правда, конечно, заключалась в том, что Даниэль позвонила ей с телефона-автомата. Но правда погубила бы их обеих. Хлоя вытянула из памяти историю, которую они сочинили, пока хоронили отца, и принялась повторять её слово в слово.

– Честно говоря, это было почти счастливое попадание. Когда я поняла, что что-то происходит, начала прикидывать, куда отец мог её увести. Даниэль когда-то жила в Миллсиде – в период, когда она постоянно огрызалась на отца и шла на словесные конфликты. Она говорила мне, что однажды, когда разговаривала с ним – приезжала на свидание в тюрьму, – он сказал, что ей самое место в таком городе, как Миллсид. Жалкая дыра, пересыхающая и умирающая. Он добавил, что это ужасное место для смерти, но, возможно, именно этого она и заслуживает.

– Ваш отец всегда был таким драматичным и умелым в предвосхищениях? – спросила Кирш.

– Простите, но обсуждать с вами характер моего отца я не хочу, – сказала Хлоя. – Мы тут составляем психологический портрет моего отца или вы снова допрашиваете меня о том, что произошло?

Крэддок и Кирш обменялись раздражёнными взглядами и продолжили. Джонсон в упор смотрел на неё; выражение лица передавало простое сообщение: *Следи за тоном.*

– Можете рассказать нам в точности, что произошло, когда вы прибыли? – спросила Кирш.

«Найти это место было несложно, – сказала Хлоя. – Даниэль рассказывала мне истории о всяких не совсем законных делишках, которые они с друзьями проворачивали у того старого склада. Мне пришлось заехать в магазин и спросить, как туда добраться. Когда я наконец приехала, он уже привязал её к стулу и лупил по лицу. Я его остановила, мы немного подрались, и ему удалось сбежать».

– Уточните, что значит «подрались», – сказал Крэддок.

– Били друг друга кулаками. Иногда пинались. Пытались одолеть противника физической силой.

– Агент Файн, – сказал Кирш, – советую вам отнестись к этому допросу серьёзно.

– О, я серьёзно. И в те два раза, когда меня уже подробно об этом допрашивали, тоже была серьёзна. – Тут она сделала паузу, несколько раз глубоко вдохнула, стараясь держать себя в руках. – Послушайте. Я понимаю, что вам нужно во всём разобраться, и я полностью признаю свою вину в том, что попыталась решить дело своими руками. Но вы должны понять... это не просто очередной случай. Это моя сестра, мой отец и вся наша отвратительная история. Мне совершенно не нравится, что меня снова и снова гоняют через одну и ту же мясорубку.

Её маленькая просьба, похоже, сработала – по крайней мере, отчасти. Крэддок и Кирш обменялись между собой печальным взглядом. Потом посмотрели на Джонсона; тот лишь едва заметно пожал плечами.

– Разумеется, мы стараемся это учитывать, – сказал Крэддок. Потом, словно подбирая каждое слово, спросил: – Как вы думаете, во время драки вы могли его ранить?

Значит, её просьба оказалась не такой действенной, как ей показалось. Разозлившись, она всё же ответила. Солгала: сказала, что, кажется, нанесла ему удар, от которого могло треснуть или сломаться ребро. Лишняя и бесполезная подробность, но в таких вопросах она знала: они как раз и выискивают подобные мелочи.

Пока они продолжали её расспрашивать, Хлоя всё яснее понимала, что именно они делают. Они заставляли её вновь и вновь пересказывать историю, возвращаться к ней, восстанавливать с другого ракурса – проверяли, изменит ли она что-нибудь. Они пытались её подлюбить... только она никак не могла понять, зачем.

Может, они нашли что-то, что разваливает эту историю, подумала она. Но это было маловероятно. Если бы так, вопросы были бы прямее, и они могли бы даже предъявить обвинение.

Но нет... вместо этого они искали трещины в её рассказе. А Хлоя не собиралась давать им ни единой.

И всё же она думала, как бы выглядела эта сцена, если бы на её месте сидела Даниэль. Если бы Даниэль привели и заставили в третий раз прогнать историю – уже по-настоящему, в официальной обстановке, под взглядами этих чучел в костюмах, – сломалась бы она?

Хлою пугала сама мысль об этом. Поэтому она изо всех сил старалась не думать, проглядывала и злость, и обиду и продолжала отвечать на их вопросы, как послушная девочка.

Всё закончилось быстрее, чем она ожидала, когда садилась. Крэддок и Киш ушли через пятнадцать минут. Когда они вышли, Джонсон посмотрел на неё через стол. Хлое было интересно, попытается ли он сыграть сочувствующего добряка или встанет на сторону той парочки, что только что покинула его кабинет.

– Извини, что пришлось пройти через это снова, – сказал он.

– Правда? А то вы неплохо с ними слились.

– Ладно... Я понимаю, на тебя давит огромная эмоциональная нагрузка, но всё равно следи за тоном и за отношением. Я стараюсь быть насколько возможно разумным, но если ты и дальше будешь обращаться ко мне и к другим руководителям в таком хамском тоне, я непременно оформлю рапорт за неповиновение.

Всё ещё давясь злостью и гордостью, как горькой таблеткой, она кивнула.

– Понимаю. А теперь можно мне идти?

– Да. Думаю, ты найдёшь задания на своём столе. Прослушка и запрос на поисковую работу от полевого агента из Филадельфии, кажется.

– Вы издеваетесь?

Она вышла из его кабинета прежде, чем он успел предложить ответ или объяснение. Конечно, Хлоя не считала себя выше той более будничной, бумажной работы за столом, которую многим агентам приходится тянуть из недели в неделю, но всё же это выглядело как шаг назад. Она невольно задумалась, не наказание ли это, — и если так, то сколько ещё ей предстоит увязать в этой трясине.

Обычно умея держать чувства в узде, Хлоя вдруг поймала себя на том, что едва сдерживает злость. Она нарочно шла к своему кубику медленно, понимая, что разозлится ещё сильнее, как только увидит ту дерьмовую работу, которую Джонсон для неё приготовил.

Она так увязла в собственном эмоциональном хаосе, что чуть было не заметила знакомое лицо, выходящее из кабинета в конце коридора. Это была Роудс; она, опустив голову, листала что-то в телефоне. Подняв взгляд и увидев Хлою, она сперва насторожилась, а потом явно испытала облегчение.

– Ты в порядке? – спросила Роудс.

– Да. Но ты же видела меня вчера. Почему спрашиваешь сейчас?

– Слухи быстро расходятся, – сказала Роудс. – Я слышала, что тебя сегодня вызывали на встречу с Джонсоном. И ещё слышала, что там был директор Крэддок. Я решила, что тебя за что-то хорошенько распекали.

– Нет, не особо. Просто...они всё пытаются вспахать эту историю про мою сестру и моего отца, а я уже с меня хватит.

Роудс оглядела коридор вверх и вниз, словно проверяя, не слышит ли кто.

– Интересно, не смотрят ли они, как это на тебя повлияло... может, проверяют, способна ли ты работать после такого личного и травматичного события.

– Сомневаюсь.

– Не знаю. Тогда становится понятно, почему мне только что дали задание без тебя напарницей. Я знаю, нас ещё официально не закрепили, но дело – прямо по твоей части.

– Что? Когда тебе дали задание?

– Полчаса назад. Я как раз собираюсь сейчас оформить командировку. Мне сказали, что Джонсон не уверен, потянешь ли ты. Он решил, что тебе нужно время прийти в себя.

Хлоя улыбнулась – лишь потому, что так было проще, чем сдерживать крик ярости.

– Я в полном порядке. Судя по всему, его представление о восстановлении – это сидеть на прослушке и помогать отделу аналитики.

– Бедняжка, – сказала Роудс. – Если хочешь, я могу надавить, чтобы тебя добавили.

– Спасибо, – ответила она, – но думаю, я сама попрошу.

Роудс кивнула, но было видно, что ей не по себе от того, как всё складывается.

– Только не дави слишком сильно. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности или что-то такое.

– Не будет.

Она уже собиралась развернуться и пойти прямо обратно к Джонсону, но её вдруг посетила мысль. Роудс было не свойственно проявлять такую заботу. Фраза *Я бы не хотела, чтобы у тебя были неприятности или что-то такое* совсем на неё не походила.

– Роудс... ты что-нибудь слышала? Про меня или про мою сестру?

– Ничего такого, чего уже не слышали остальные. Тут разошлось, что ты ездила в Техас и у тебя была какая-то стычка с отцом. Большинство здесь считают, что это было героически. Думаю, Джонсон тоже так считает... просто начальство у него на шее сидит.

Хлоя сама не понимала почему, но не поверила ей. Ей казалось, что она уже неплохо узнаёт Роудс, и в том, как та ответила на вопрос, было что-то, что Хлое не понравилось. Но если она хотела попасть на это дело и попытаться жить дальше как обычно, придётся пока оставить это.

Она пошла обратно по коридору к кабинету Джонсона и как раз столкнулась с ним в коридоре, когда он направлялся куда-то ещё.

– Итак, я поговорила с Роудс, – сказала она. – Почему мне не дали возможности работать с ней над этим новым делом?

«Не то чтобы я обязана перед вами отчитываться, но я не думала, что вы так скоро будете готовы снова выйти в поле – после всего, через что вам пришлось пройти».

«Ценю заботу, сэр. Но, если уж на то пошло, мне это может даже помочь».

Он усмехнулся ей, и она не смогла понять – то ли это было с отвращением, то ли по-доброму. «Поможет избавиться от этой вашей манеры держаться как подчинённая?»

«Не обещаю», – сказала она. Она сказала это в шутку, надеясь, что это его хоть немного расположит.

«Она улетает через несколько часов. Сможете так быстро всё бросить и поехать?»

«Да, сэр».

Джонсон секунду обдумывал, затем вздохнул. «Это дело действительно как будто прямо по вашей части». Потом он устало пожал плечами и сказал: «Ладно. Поговорите с Роудс, пусть перешлёт вам все материалы по делу. Официально вы в группе, но мне нужна от вас ответственность. Если приедете туда и поймёте, что вы ещё не готовы, – будьте честны».

«Разумеется. И спасибо, сэр».

Она развернулась и покатила обратно – к кабинету Роудс, пока он не передумал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Даниэль справлялась с последствиями Миллсида, штат Техас, примерно так, как и ожидала. Поскольку Даниэль всегда предпочитала одиночество и вариться в себе вместо того, чтобы хоть что-то предпринимать, все пять дней после возвращения домой она просидела в своей квартире. Единственное, что она сделала из разряда «выйти куда-то и заняться собой», – сходила к врачу из-за травм. После стычки с отцом у неё оказалось лёгкое сотрясение и немного растянутая лодыжка – и больше ничего.

И всё же ломило её всю. Она где-то читала, что тело всё помнит – что даже когда нет явной физической травмы, мышцы и нервные окончания хранят напряжение, связанное с определённым временем или местом, и из-за этого оно может возвращаться.

Похоже, её тело делало именно это.

Ей приходилось ещё и смиряться с тем, что она ни о чём не жалела. Она была рада, что ублюдок мёртв, – рада даже тому, что сама помогла довести его до такого состояния. Когда она вспоминала изнуряющую работу – как копала могилу, а потом запихивала его внутрь, – её переполняли облегчение и гордость, а вовсе не печаль.

Все эти вещи она никогда не сказала бы Хлое. Она прекрасно знала: Хлоя всегда считала её слегка ненормальной. Правда, Хлою в этом плане было трудно понять. Иногда это звучало как почти безобидная шутка, для разрядки, а иногда Даниэль казалось, что Хлоя едва ли не смотрит на неё сверху вниз из-за этого.

Если честно, Даниэль просто хотела вернуться к своей жизни – вернуться к работе, снова делать вид, будто её отца не существовало. Ей по-прежнему казалось несправедливым, что он объявился после того, как она столько лет делала вид, что его не было и никогда.

И вот, на пятый день после всего, что случилось в Миллсиде, Даниэль сидела на диване и пыталась решить, что посмотреть в Netflix. Она знала, что ей надо в душ, знала, что надо позвонить на работу и узнать, когда ей разрешат снова брать смены. Но она понимала: стоит ей это сделать – и её жизнь *начнётся* заново. И как бы банально это ни звучало, она знала: теперь, когда её отец мёртв, стоит ей только оторвать зад от дивана – и начнётся новая глава её жизни.

Словно прочитав её мысли о том, что пора действовать, на журнальном столике зазвонил мобильный. Она потянулась к нему и удивилась, увидев, что звонит Хлоя. С тех пор как они вернулись из Техаса, они разговаривали всего один раз. Для Хлои было нехарактерно отдаляться после чего-то столь судьбоносного, но Даниэль решила, что у сестры есть причины. Ложь, которую они выстроили, была такой замысловатой и многослойной, что Хлоя, вероятно, посчитала: лучше какое-то время поменьше говорить.

Тогда почему она звонит сейчас?

Заинтригованная, Даниэль ответила. – Привет, сестрёнка.

– Привет, Даниэль. Как ты?

– Выспалась и в целом вроде нормально. А ты?

– Тоже. Только сплю не очень. Всё время тянет просто взять и снова начать жить, понимаешь?

– Очень даже понимаю, – сказала Даниэль. – Со сном... кошмары?

– Нет. Думаю, просто тревога. Слушай, Д...на работе происходит кое-что странное, и я хотела тебя предупредить. Меня сегодня утром снова спрашивали о том, что случилось. Только на этот раз не один мой руководитель. Он привёл каких-то людей сверху – таких, которые вмешиваются только когда может назреть серьёзная проблема.

– И как ты? – спросила Даниэль. Она знала, какой осторожной умеет быть сестра. Даниэль не думала, что Хлоя сломается под давлением, но уверена не была. Стоило одной из них дать

трещину или оговориться, и их истории вдруг перестали бы сходиться – и обе они влипли бы по-крупному.

– Нормально, но я боюсь, что они могут вызвать и тебя.

– Разве для таких вопросов меня не должны арестовать?

– Нет. Сейчас это почти как «вежливость». Они уже задавали тебе вопросы, так что будут ждать, что ты снова пойдёшь им навстречу.

– Да пошли они к чёрту. Зачем мне через это снова проходить?

– Если они с тобой свяжутся, ты не можешь быть настроена так.

Даниэль закатила глаза. – То есть мне просто наклониться и терпеть, сколько им вздумается?

– На какое-то время – да. Пожалуйста... Даниэль, пожалуйста, придерживайся версии. Не дай эмоциям или раздражению взять верх.

– Ты ради этого звонишь? – спросила Даниэль.

– Да. Ну и ещё потому, что я знаю, как ты умеешь вариться в своих чувствах, когда всё плохо. Как ты держишься?

– Паршиво. И на «Нетфликсе» уже нечего запоем смотреть. Думаю завтра выйти на работу.

– Это хорошо, – сказала Хлоя. – Только, пожалуйста, не говори о том, что мы сделали, людям у себя на работе, ладно?

– Господи, Хлоя. Я не идиотка.

– Я знаю, просто я—

– Хлоя, давай не будем. Ты живи дальше, и я буду жить дальше. Дадим пару недель и посмотрим, как оно будет. Я знаю, как это работает. Мы через такое прошли – то ещё дерьмо. И как бы тебе ни хотелось раскрасить это в *своей* голове, мы с тобой никогда не были особенно близки. У нас нет этой крепкой сестринской связи, понимаешь? Так что, может, мы и не нужны друг другу, чтобы через это пройти.

Примерно на середине она почувствовала, что наговорила лишнего, но остановиться уже было поздно.

– Да, может, ты и права, – сказала Хлоя. Голос у неё стал пустым и тонким. Даниэль явно задела её чувства – то, чего Даниэль никогда до конца не замечала ни в детстве, ни во взрослом возрасте.

– Хлоя...

– Думаю, тебе стоит вернуться на работу, – перебила Хлоя. – Подхвати свою жизнь там, где она была до всего этого. И если бюро или полиция будут звонить, я прошу только одного: сохраняй спокойствие. Не принимай на свой счёт. В конце концов, они просто делают свою работу.

– Да, знаю.

– Люблю тебя, сестрёнка. Пока.

Прежде чем Даниэль успела ответить, Хлоя завершила звонок. Даниэль медленно положила телефон, не вполне понимая, почему её так задел сам характер разговора. Она всегда была той сестрой, которую не выбивали из колеи враждебные перепалки. Но сейчас, чувствуя, как Хлоя раздражена на неё, Даниэль словно подвела сестру.

Это потому, что она спасла тебе задницу от идиотской ошибки, подумала она.

Да, за последние пару дней ей не раз приходило в голову, что Хлоя, скорее всего, спасла ей жизнь. И это меняло их отношения с этого момента. Даниэль никогда не нравилось ощущать, будто она кому-то что-то должна, и теперь она просто не понимала, как с этим быть.

Она машинально снова принялась листать главную страницу Нетфликса. Потом перевела взгляд на телефон и задумалась, не позвонить ли на работу. Может, получится даже встать в график на сегодняшний вечер.

Хлоя, в конце концов, была права: рано или поздно надо подниматься и двигаться дальше. Тени отца больше не было над ней – не на кого свалить всё подряд. Нет, теперь куда большей ошибкой было то, что ей предстояло признать как своё: осознание того, что она сыграла огромную роль в смерти отца.

Да, отныне это изменит всю её жизнь, но это не повод опустить руки и отказаться от всего. Больше всего её пугала мысль о том, что она может обнаружить – даже когда отца уже нет рядом, – что, возможно, он и не был единственной проблемой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Хлоя впиалась в материалы дела, едва они оказались у неё на руках. Тогда она этого не осознавала, но вгрызалась в расследование так же, как алкоголик тянется к бутылке. Она пыталась заглушить реальность того, что они с Даниэль натворили. Ей казалось, что если завалить всё это достаточной страстью к работе, то со временем удастся стереть произошедшее подчистую.

Они направлялись в довольно маленький городок Пайн-Пойнт, штат Вирджиния. Примерно в шестнадцати километрах от Винчестера, он насчитывал чуть меньше десяти тысяч жителей и состоял преимущественно из состоятельных семей – словом, дело как будто подходило под большинство тех, что доставались Хлое и Роудсу. Отличие же было в том, что обе жертвы – мужчины. По отчётам, ничего особенного или уникального в убийствах не просматривалось. В обоих случаях мужчин забили до смерти довольно зверски, и между двумя эпизодами на первый взгляд не было никаких связей.

– Ещё не устала от этих элитных кварталов? – спросил Роудс из-за руля. Хлоя, просматривая материалы на планшете, оторвалась от текста и посмотрела в окно. Каким-то образом они уже приехали. Расстояние между Вашингтоном и Пайн-Пойнтом было всего около полутора часов пути, и время пролетело незаметно.

– Уже на подходе, – призналась Хлоя. – Но согласись... в этой предсказуемости есть что-то приятное, да?

– Да, пожалуй. Но материалы по этому делу... наводят на мысль, что всё сведётся к какому-нибудь долбанутому накачанному ублюдку, который срывает злость на тех, кого считает либо ниже себя, либо угрозой.

Хлое это тоже приходило в голову, но уверенности не было. Тот, кто убивает по таким причинам, скорее всего, не побрезговал бы пустить пулю человеку между глаз или перерезать горло. Два жестоких избиения в разные разы говорили о чём-то куда более тёмном.

Было что еще разбирать, но в голове у нее стоял туман. Она хотела задать Роудс несколько вопросов – таких, что помогли бы понять, что на самом деле думают Джонсон и другие в бюро о том, в чем она помогла сестре. Хлоя не могла отделаться от мысли, что они знают больше, чем говорят, но у них недостаточно доказательств, чтобы прямо предъявить ей. В конце концов, больше всего ее параноила не что иное, как то, что Джонсон был полностью готов отправить Роудс на это дело одну.

– Можно тебя кое о чем спросить, Роудс? – сказала она.

– Конечно.

– Ты не слышала ничего о внутреннем расследовании моих действий, связанных с сестрой?

Она попыталась уловить реакцию Роудс, но у напарницы было лицо игрока в покер. Спустя несколько мгновений та покачала головой.

– Кажется, нет. Я знаю, были вопросы насчет твоего отца и того, как он похитил твою сестру, но про внутреннее расследование именно твоих действий я ничего не слышала. – Она помедлила и пожала плечами. – Если ты переживаешь из-за того, что Джонсон не сразу поставил тебя со мной на это дело, я бы не придавала этому слишком большого значения. Думаю, он просто учитывал твое психическое состояние.

– Может быть.

– А теперь... позволь спросить *тебя* кое о чем, – сказала Роудс. – И, пожалуйста, не пойми неправильно. Это только между нами, но мне нужно знать. Есть что-то, о чем мне следует знать? Есть что-то, из-за чего ты боишься, что они могут копать?

– Нет, – сказала Хлоя. Она боялась, что ответила слишком быстро – и в голосе прозвучало слишком много злости.

– Я должна была спросить, – сказала Роудс. – Мы ведь работаем вместе вот так, впритык и все такое. Я не стану притворяться, будто понимаю, через что ты проходишь, и не буду тебя поучать. Но мне нужно знать, что ты в порядке и готова. Если подумать, мне, наверное, стоило спросить об этом еще до того, как ты согласилась помогать по этому делу, но ты сама знаешь, как это бывает.

– Я в порядке.

В целом это было правдой, но теперь Хлоя не могла не задуматься, не было ли у расспросов Роудс скрытых мотивов. Не говорил ли Джонсон с Роудс перед их отъездом из округа Колумбия, прося ее попытаться вытянуть из Хлои информацию? Роудс было не свойственно задавать глубокие, личные вопросы. Обычно она держалась на поверхности, не лезла слишком глубоко. То, что она так откровенно выпытывала, выглядело для нее немного нехарактерно.

– Хорошо, – сказала Роудс. – И я надеюсь, ты знаешь: если тебе когда-нибудь *и вправду* понадобится поговорить, переварить это или что угодно, я умею слушать.

– Спасибо, – сказала Хлоя, хотя эта реплика сделала ее еще подозрительнее.

Обе замолчали, пока навигатор на телефоне Роудс не сообщил, что через восемьсот метров нужно повернуть. А за этим поворотом их ждало место назначения – место преступления, где нашли вторую жертву.

Их уже ждали двое местных полицейских – как и было оговорено по телефону перед выездом из штаб-квартиры бюро. Их машина стояла у обочины, в нескольких шагах от бордюра на перекрестке двух улиц. Одна из полицейских – очень высокая рыжеволосая женщина – улыбнулась и указала на место прямо за их автомобилем. Роудс встала куда нужно и сказала:

– Эта уже командует.

Хлоя и Роудс вышли из машины и подошли к двум полицейским на тротуаре. Высокая женщина поздоровалась первой – улыбка у нее была широкая, поразительно красивая. Вторым был темнокожий мужчина лет сорока. В нем читался человек, который отлично понимал, что работает в тени своей напарницы. Когда он пожал руки Хлое и Роудс и представился как офицер Бенсон, улыбка у него вышла вялой.

Высокую рыжую звали Андерсон, и говорила она с легкой южной протяжностью.

– Рада познакомиться, – сказала она, растягивая *you* так, что на конце звучало протяжное *a*, типичное южное *ya*. Хлоя невольно задумалась, не из тех ли она, кто говорит *y'all*.

– Ну, – сказал Андерсон, – история довольно простая. Прошлой ночью на этом бордюре нашли парня по имени Виктор Бьюрман. Его обнаружили двое подростков на велосипедах. Кровь всё ещё хлестала из него. Как только приехала скорая, его сразу же констатировали мёртвым. Самый свежий утренний отчёт говорит, что причин несколько: тупая травма головы, сломанное ребро, которое сместилось вверх и проткнуло сердце, почти полностью раздавленная грудная клетка и грудина, либо коллапс лёгкого. Выбирай, что нравится.

– Есть чёткое понимание, чем его приложили? – спросила Хлоя.

– Все считают, что битой, – сказал Андерсон. – Судмедэксперт практически согласился, но говорит: если это *была* бита, то алюминиевая. Бьюмана ударили с такой силой, что деревянная оставила бы щепки.

– Есть хоть какая-то связь между Бьюрманом и первой жертвой? – спросил Роудс.

– Никакой, какую мы могли бы найти, – сказал Бенсон. – Жертва номер один – парень по имени Стивен Филдинг – был найден у себя дома. Его жена обнаружила его растянувшимся на полу в гостиной.

– Сначала это выглядело как неудачное ограбление, – сказал Андерсон. – Кто-то вломился, избил парня до полусмерти – того просто угораздило оказаться дома – и забрал кое-что. Но на данный момент жена не может назвать ни одной вещи, которая действительно пропала. Так что похоже: если это и *было* проникновение, то только затем, чтобы убить Филдинга.

– В материалах говорится, что первое убийство было не таким жестоким, как второе, верно? – спросила Хлоя.

– Смотря что ты называешь жестокостью, – сказал Андерсон. – Его били по голове и лицу чем-то твёрдым – тем, что могло быть, а могло и не быть алюминиевой битой. Нос у Филдинга был размолот в кашу. Самая мерзкая чёртова штука, какую я когда-либо видел.

– Но, с другой стороны, – сказал Бенсон, – лицо Бьюрмана, похоже, вообще не трогали, хотя на макушке был один удар, оставивший небольшую вмятину.

Хлоя прошла несколько шагов вперёд, глядя на участок тротуара, который явно стал для Виктора Бьюрмана последним пристанищем. Засохшая кровь всё ещё была видна, хотя было ясно, что городская служба благоустройства сделала всё, чтобы её отмыть.

– Есть ли что-нибудь вообще примечательное в этом перекрёстке? – спросила она.

– Ничего, – сказал Бенсон. – Обычный уголок, как и любой другой в этом городе.

Хлоя дошла до края и посмотрела направо. Если на Бьюрмана и правда напали здесь, на улице, то именно там и прятался нападавший. Это было бы достаточно просто, решила она. Светофора нет – только знак «СТОП». А перед знаком рос исполинский дуб, усыпавший землю желудями. Дуб обрамляли чахлые кусты. Даже без листвы они давали более чем достаточно места, чтобы кто-то мог оставаться незаметным – если только сидел на корточках.

– В материалах сказано, что Бьюрман был каким-то спортивным тренером, – сказала Хлоя. – А именно каким?

– Да он скорее из фитнеса, не тренер в строгом смысле, – сказал Андерсон. – Работал в частном зале, но и на дом выезжал.

– В каком зале?

– «Фулбрайт Фитнес». Жутко дорогая контора, продвигают йогу, парилки, всё такое.

– А Филдинг? – спросил Роудс. – Чем он занимался?

– Днём детейлингом машин, ночью – барменом, – сказал Андерсон.

Хлоя изо всех сил старалась не дать собственным проблемам затуманить мысли, но пока ей плохо удавалось найти связь между этими двумя мужчинами и тем, как их убили. Она всё быстрее приходила к выводу, что это вовсе не серийное дело. Но даже если так, факт оставался фактом: двоих мужчин жестоко убили.

– Жертва номер один ведь жил не здесь, в Пайн-Пойнте, верно? – спросила Хлоя.

– Практически здесь, – сказал Бенсон. – Он жил всего в нескольких милях от города, ближе к Винчестеру. Небольшой городок под названием Колин.

Ещё один аргумент против того, что это очевидный «серийник», подумала Хлоя.

– Кто-нибудь уже говорил с женой Бьюрмана? – спросил Роудс.

– Да, это был я, – ответил Андерсон. – Там странная ситуация. Она, конечно, очень горевала, но не так, как можно было бы ожидать.

– Есть мысли почему? – спросила Хлоя.

– Никаких. Она ничего такого не сказала. Можете поговорить с ней сами. Может, вам удастся вытянуть из неё больше, чем мне.

В его словах не было ни насмешки, ни осуждения. Казалось, Андерсон и Бенсон даже рады, что бюро приехало и забрало эту кашу с их рук. Они без дела стояли рядом, пока Хлоя и Роудс сделали несколько быстрых снимков места происшествия – словно нетерпеливо ждали, когда те по мановению руки заставят дело исчезнуть.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дженни Бьюрман явно плакала, но это почти не умаляло её очевидной красоты. Она была невысокая и с такой фигурой, о какой, как думала Хлоя, большинство женщин готово мечтать до боли. Это бросалось в глаза даже в футболке и штанах для йоги, в которых Дженни впустила их в дом. Одежда казалась не слишком уместной при таких обстоятельствах, но Хлоя решила, что, возможно, Дженни Бьюрман и дома ходит именно так, когда ей никуда не нужно. Учитывая, как она выглядит, Хлоя невольно задумалась, насколько привлекательным был её муж.

– Спасибо, что нашли время поговорить с нами, – сказала Хлоя. – Мы понимаем, что полиция уже беседовала с вами.

– Всё в порядке, – ответила Дженни, садясь за кухонный стол и делая глоток чая. – Я готова говорить с любым, кто может помочь. У меня просто нет слов... мыслей... да вообще ничего, если честно.

– Простите, если мы повторим вопросы, которые вам уже задавали полицейские, – сказал Роудс. – Но можете ли вы представить хоть кого-то, кто мог желать вашему мужу смерти?

– Вот в том-то и дело, – сказала Дженни. – Его любили все. Я понимаю, как это банально звучит, но насколько мне известно – так и было. Я не могу вспомнить ни одного врага, который у него мог быть.

– Кто-то с работы? – спросила Хлоя. – Например, из «Фулбрайт Фитнес»?

– Вряд ли, – ответила Дженни. – Он обычно рассказывал мне почти обо всём, что происходило на работе. К тому же все его занятия в «Фулбрайт» оформлялись по договору через владельцев, а не через Виктора. Любые претензии адресовали бы руководству «Фулбрайт Фитнес».

– Вы говорите, его любили все. Значит, он был общительным человеком?

– Да, очень. Откроется новый бизнес, устроят какой-нибудь приём или торжество – он обязательно там. И он всегда был готов помочь любому. Из тех людей, которые, если надо, последнюю рубаху с себя снимут.

– А клиенты, к которым он ездил домой? – спросил Роудс. – Вы кого-нибудь из них знали?

– Большинство – да. Виктор всегда сообщал мне, когда брал нового клиента, потому что почти всегда это были женщины. Он говорил об этом прямо, ничего не скрывал. Он хотел, чтобы я знала, когда он будет находиться в доме у женщины. Мужья в большинстве случаев были дома, так что ничего страшного.

– У вас есть список его клиентов?

– Нет, но у нас на телефонах общий список контактов. Хотя, думаю, полицейские уже работали с людьми из «Фулбрайт Фитнес» и получили список его выездных клиентов.

– Всё равно, если вы сможете дать нам имена и номера, это будет очень полезно, – сказала Хлоя.

– Конечно, – сказала Дженни. Она взяла телефон со стола рядом с чашкой, и у неё тихо сорвался плач. Она уставилась на изображение на главном экране – на фото, где она была с мужчиной, которого Хлоя сочла её мужем. Дженни ввела код и начала перелистывать контакты.

Она называла имена и номера клиентов Виктора – одного за другим. Голос у неё каждый раз срывался всё сильнее, когда она перечитывала остатки жизни собственного мужа. А Хлоя тем временем, пока они с Роудсом переписывали список, начала мысленно складывать кое-какие детали. Почти все клиенты Виктора Бьюмана, к которым он ездил домой, были женщинами. И если он хоть немного был похож на свою жену, Хлоя почти не сомневалась: чтобы оставаться верным, ему приходилось очень стараться.

Эту мысль она спрятала где-то на задворках сознания, пока Дженни Бьюрман продолжала перечислять клиентов. После седьмого имени Дженни пришлось остановиться. Она с яростным движением отшвырнула телефон и осела на кухонный стол, а затем разразилась горестным воем.

Хлоя медленно подняла телефон с пола и положила обратно на стол. И, сделав это, успела как следует разглядеть фотографию на домашнем экране – Виктор Бьюрман и правда был красивым мужчиной. Они с Дженни составляли ослепительную пару. И хотя Хлое не хотелось думать об этом так сразу, она всё же невольно задалась вопросом: как мужчина с такой внешностью умудрялся раз за разом входить и выходить из чужих домов – и не вывести из себя хотя бы нескольких мужей.

Когда Дженни снова смогла говорить связно, она посмотрела расписание Виктора и выяснила, что последней клиенткой, к которой он заходил перед смертью, была женщина по имени Тереза Диас. Она жила на Примроуз-стрит, чуть меньше чем в восьмистах метрах от дома Бьюрманов.

Было чуть после полудня, когда Роудс остановил машину у дома Диас. Милый аккуратный домик, вдоль стен – клумбы. Двухместный гараж был открыт; внутри стоял один внедорожник. Агенты вышли, Роудс нажал на дверной звонок. Прошло несколько секунд, и дверь наконец открыла симпатичная светловолосая женщина. В каком-то смысле это было почти как дежавю. Хотя на Дженни Бьюрман она была похожа хотя бы *немного*, разница бросалась в глаза. В одном обе женщины совпадали: обе плакали – только Тереза Диас изо всех сил старалась сделать вид, будто нет.

– Да? – спросила она с недоумением.

– Миссис Диас, мы агенты Файн и Роудс, Федеральное бюро расследований, – сказала Хлоя. – Мы хотели задать вам несколько вопросов о Викторе Бьюрмани. Полагаю, вы уже слышали новости?

– Да. И да, проходите.

Тереза провела их в дом – небольшой, но красиво обставленный. Откуда-то из глубины лилась негромкая музыка – мягкая, похожая на балладу песня, которую Хлоя помнила ещё по тем временам, когда прошло несколько лет. Тереза привела их в комнату, служившую гостиной. Хлое понравилось, что телевизора не было, а кресла стояли друг напротив друга – словно в семье Диас больше ценили разговоры, чем запоем смотреть очередной сериал, о котором говорит весь мир.

– Когда вы в последний раз видели мистера Бьюрмана? – спросил Роудс.

– Вчера вечером. Он приходил на занятие пилатесом и тренировку мышц корпуса.

– Когда он ушёл? – спросила Хлоя.

– Точного времени не помню, но занятие закончилось в семь. Обычно он выходит сразу, без задержек. Так что, думаю, не позже семи ноль пяти или около того.

– Простите за такой вопрос, – сказала Хлоя, – но ваш муж присутствовал во время занятия?

– Нет. – Она на секунду замолчала, словно решая, стоит ли обидеться на то, что Хлоя могла подразумевать. В конце концов она отмахнулась и продолжила так спокойно, как только могла. – Он сейчас в командировке. Вернётся через три дня. Но мой муж знаком с Виктором, и там даже думать не о чем.

Она не дерзила и не говорила со злостью – напротив, тон у неё был очень вежливый. И всё же Хлоя отметила: женщина определённо плакала совсем недавно.

– Вы знали мистера Бьюрмана вне ваших профессиональных отношений? – спросил Роудс. – То есть вы бы назвали вас друзьями?

«Конечно. Мы вместе смеялись, болтали, шутили. Иногда после занятий он оставался выпить бокал вина, но только когда Майк – мой муж – был дома».

Хлоя тщательно обдумала следующий вопрос. Тереза Диас за последние секунд двадцать нарочно несколько раз упомянула мужа. И так же вежливо, как могла, пресекла любые намёки на то, что у них мог быть роман. Значит, тема по какой-то причине болезненная. И ещё Хлоя понимала: стоит надавить – Тереза тут же выставит их за дверь.

– Как давно вы были клиенткой мистера Бьюрмана? – спросила Хлоя.

– Примерно год. Он был очень хорош...

Тут она умолкла, собралась с духом и покачала головой.

– Простите. Всё это так внезапно. Я хочу сказать... я же видела его вчера вечером.

– Ничего, – сказал Роудс. – С учётом ваших рабочих отношений, можете ли вы представить, кому он мог перейти дорогу?

– Вот именно, – ответила Тереза. – Я ни разу не видела, чтобы он с кем-то перебрался. Да что там – я вообще ни разу не слышала, чтобы о нём говорили плохо.

– А что о нём думал ваш муж? – спросил Роудс.

Хлоя едва заметно поморщилась, прикидывая, не будет ли это тем самым вопросом, после которого их попросят убраться. Но нет: Тереза либо спокойно это проглотила, либо просто не уловила тонкости в вопросе Роудса.

– Майк с ним прекрасно ладил. Если уж говорить откровенно, ему не нравилась сама мысль, что в дом приходит мужчина-тренер, когда его нет. Но стоило Майку познакомиться с Виктором – и всё изменилось. Я не могу достаточно подчеркнуть, каким обаятельным он был. Его все любили. И совершенно непонятно, за что его могли убить.

– Вы случайно не знаете, были ли у него клиенты в городке Колин? – спросила Хлоя.

– Не уверена. Наверное, его жена сможет сказать.

Смело с её стороны – упомянуть жену Бьюрмана, подумала Хлоя. Тут почти наверняка был роман или, по меньшей мере, влечение.

– Во время вчерашнего занятия мистер Бьюрман выглядел хоть сколько-нибудь встревоженным или не в своей тарелке? – спросила Хлоя.

– Нет. Или, если и был, то очень хорошо это скрывал. Я просто... я не понимаю...

Похоже, это и было главным рефреном. И ещё одним доказательством того, что от Терезы Диас они ничего стоящего не добьются. Следующий логичный шаг – съездить в городок Колин и выяснить, что удастся, об убийстве Стивена Филдинга. Но Хлоя чувствовала: сделай они это сейчас – и след по делу Бьюрмана остынет, потому что с каждой минутой она всё сильнее убеждалась: эти убийства между собой не связаны.

– Я просто не понимаю, – повторила Тереза; голос дрогнул, и слёзы уже были совсем близко.

Нас двое таких, подумала Хлоя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– То есть они точно трахались, да?

Вопрос прозвучал грубо, но именно такого Хлоя и ждала от Роудса, как только они вернутся в машину.

– У меня было такое ощущение, – сказала Хлоя. – Ты заметил, что она плакала, да?

– Ага. Краснота и лёгкая припухлость вокруг глаз. И этот мелкий дрожащий надлом в голосе.

– Так что понятно, почему она не хочет признаваться в романе, – сказала Хлоя. – Особенно если правда то, что она сказала про знакомство мужа с Бьюрманом. Логично: ей хочется прикрыть свою задницу. Если мужчина, с которым она крутила на стороне, вдруг мёртв – признать измену становится гораздо проще.

– Всё равно, я бы проверил историю про то, что её муж был в командировке, – сказал Роудс. – Наверняка можно попросить наших новых друзей Андерсона и Бенсона это проверить.

– Думаешь, убийцей мог быть муж? – спросила Хлоя.

– Скорее всего нет. Но раз уж убийства пока выглядят несвязанными, нам, наверно, стоит проверить все варианты.

Хлоя кивнула. Ей нравилось, когда они с Роудс так идеально понимают друг друга с полуслова. Их напарничество, конечно, начиналось тяжело, так что время от времени было полезно вспоминать, какой путь они уже прошли.

– Эй, Файн?

– Да?

– Что на самом деле случилось там, в Техасе?

Хлоя почувствовала, как мысли о их слаженности с визгом тормозов обрываются. Её раздражало, что Роудс лезет туда – с подсказками Джонсона или без них, – но показывать злость она не хотела. Она знала: так будет выглядеть, будто ей есть что скрывать.

– Ты хочешь версию с семейной драмой в комплекте или без?

Роудс усмехнулась.

– Без. Я знаю, как ты ненавидишь ворошить это дерьмо.

Хлоя на секунду замялась, не зная, как лучше ответить. Если Роудс играла роль, то играла мастерски.

– Папа с Даниэль сцепились у него в квартире. Я даже толком не знаю, из-за чего именно, потому что Даниэль не рассказывает мне всех подробностей. Но в конце концов, мне кажется, папа просто сорвался и...

– Да?

– Роудс, надеюсь, ты не примешь это на свой счёт, но мне правда не хочется об этом говорить. Не сейчас. Это мне мозги вынесет и помешает сосредоточиться на деле. Ты же понимаешь, да?

– Конечно.

Хлоя не смогла понять, есть ли разочарование в её лице и голосе. Ей не хотелось думать, что Роудс действительно шпионит за ней и обязана докладывать Джонсону и тем, кто стоит над ним, всё, что узнает. Но сейчас ей нужно было быть предельно осторожной с каждым словом.

И всё же повисшая между ними тишина говорила о том, что Роудс не ожидала, что её так отрежут. Мгновение тяжёлым комом лежало между ними, пока Роудс вела машину в Колин.

Ком был таким плотным, что когда зазвонил мобильный Хлоя, она невольно вздрогнула. Надеясь, что Роудс не заметила её реакции, она быстро приняла звонок.

– Агент Файн.

– Агент Файн, это заместитель Андерсон, – пропел голос Андерсона. – Подумал, вам стоит знать: нам только что сообщили, что офицер в Колине задержал мужчину. Они почти уверены, что это убийца Стивена Филдинга.

– Есть возможная связь с Бьюрманом? – спросила Хлоя.

– Пока не знаем. Но я сказал им, что дам вам знать. Они буквально прямо сейчас оформляют его. Он будет готов к допросу, как только вы доберётесь до управления.

Хлоя поблагодарила и завершила вызов.

– Это был Андерсон. Похоже, полиция Колина взяла убийцу.

– По обоим потерпевшим?

– Пока никто не знает.

– Тогда давай выясним, – сказала Роудс и сильнее вдавила педаль газа.

Полицейское управление Колина оказалось самым маленьким из всех, куда Хлое доводилось заходить. Вестибюль был идеально квадратным: крошечная зона ожидания, миниатюрный опенспейс и небольшой уголок со снеками. Пахло аэрозольным освежителем и крепким кофе. Впрочем, место выглядело ухоженным: всё на своих местах и во всём чувствовался порядок. Через несколько секунд после того, как Хлоя и Роудс вошли, к ним подскочил невысокий, но мускулистый мужчина, явно куда-то спешивший. Он был в синей форме; рубашка местами прилипла к телу от пота, отчётливо проступившего на груди. Нашивка над левым карманом гласила: Купер.

– Вы агенты? – спросил он.

– Мы, – ответила Роудс. – Агенты Роудс и Файн.

– Отлично, – сказал Купер. – Идёмте.

Он провёл их через небольшой опенспейс в коридор, уходящий в тесноватую заднюю половину здания. В кабинет он их вести не стал – повёл в самый дальний конец, где находилась самая настоящая камера предварительного задержания рядом с единственной комнатой, где, как предположила Хлоя, и держали подозреваемого.

– Вот что у нас есть, – сказал Купер. – Примерно час назад нам позвонили из «Рок и Сэма», местного бара чуть дальше по дороге. Бармен, Сэм, мой хороший друг, так что за его слова я ручаюсь. Он сказал, что к нему зашёл один тип – он его и раньше видел, зовут Кэрол Хьюз. Он постоянно приходит туда обедать. Хьюз заказал своё обычное, и когда потянулся за пивом, Сэм заметил у него на запястье часы. Дорогие, такие, что этому парню как будто бы совсем не подходят. И не только это: Сэм уже видел точно такие же часы несколько раз раньше – на руке у Стивена Филдинга.

– Правда? – спросил Роудс. – Он *думает*, что видел те же часы на руке у другого?

– Ну, часы довольно приметные. Золотые – не знаю, настоящее золото или нет, – и на циферблате эмблема «Теннесси Волонтирс». Сэм сказал, что отлично помнит этот логотип: Стивен носил эти часы несколько недель назад и трепался, поливая грязью студенческий футбол. А когда Сэм увидел их на руке у Хьюза, сразу вспомнил, что слышал: всего пару дней назад Стивена убили – какое-то жуткое ограбление, всё перекошило. Он тихонько позвонил нам. Я сам принял звонок и приехал в бар, чтобы забрать этого типа. Он чуть штаны не намочил, когда увидел в баре полицию. Дёргался, сопротивлялся, но так ничего и не признал.

– Похоже на дело без вариантов, – сказала Хлоя.

– Если вам нужно взглянуть на часы, их только что упаковали в пакет и внесли в улики. Сняли отпечатки – похоже, там два набора. Я бы поставил дом на то, что они принадлежат Филдингу и нашему подозреваемому.

– Не нужно, – сказала Хлоя. – Думаю, разговора с подозреваемым будет достаточно.

– Как скажете. И дайте знать, если что-то понадобится.

С этими словами Купер отпер дверь в единственную комнату рядом с камерой. Как Хлоя и предполагала, это и была комната для допросов. Посреди стоял тот самый, до боли знакомый стол; к нему наручниками было пристёгнуто правое запястье Кэрола Хьюза. Когда Хлоя и Роудс вошли, он выглядел так, будто готов выпрыгнуть из кресла.

Мужчина был совершенно неприметный. Ему бы не помешало постричься: бакенбарды разрослись, а лоб закрывала липкая, взмокшая чёлка. Он поднял на них круглые глаза, и на лице проступило растерянное выражение. Хлоя начала гадать, не свели ли её с Роудсом в пару ради какого-то эксперимента: мол, подозреваемые часто теряются, когда к ним отправляют двух миниатюрных женщин. Она подумала, не обезоруживает ли преступников такая растерянность. Если бюро и правда искало подтверждения этой гипотезе, Хьюз подошёл бы для исследования идеально.

– Вы, чёрт возьми, кто такие? – спросил он.

Хлоя показала жетон и удостоверение, подходя к столу. С её стороны стула не было, так что они с Роудсом просто остались стоять. Они встали у стола так, чтобы Хьюз почувствовал себя зажатым, будто в ловушке.

– Какие у вас были отношения со Стивеном Филдингом? – спросила Хлоя.

– Никаких. Я видел его в баре. Похоже, при деньгах.

– Странно глупо носить часы, которые вы украли из его дома. Особенно после того, как вы его убили. Не согласны?

По лицу Хьюза на миг скользнула злость, но тут же исчезла. Похоже, её мгновенно утопило осознание того, насколько глубоко он вляпался.

– Я не хотел этого, – сказал он.

– Чего – этого? – спросил Роудс.

Хьюз на мгновение словно с чем-то боролся. Хлоя видела это и раньше: даже когда их прижимали фактами и они прекрасно понимали, что попались, людям всё равно часто было невыносимо трудно признать, что они переступили ту смертельную черту.

«Слушайте, я знаю, что это было неправильно, но мне просто нужны были лишние деньги, понимаете? Я три месяца назад работу потерял, а счета... блин, они всё копятся и копятся. И моя женщина... она не... она даже думать не хочет о свадьбе, пока я на ноги не встану...»

– То есть взлом показался вам подходящим решением? – спросил Роудс.

Хлоя думала о том же, но она никогда не видела смысла намеренно цеплять подозреваемого. Обычно это лишь заставляло его тянуть время. По правде говоря, в случае с Хьюзом она ещё и прикусила язык, чтобы не заметить: если он уже три месяца без работы, то, пожалуй, не самая лучшая идея – так часто торчать по барам.

– Расскажите по порядку, что произошло, – сказала Хлоя.

– Я несколько дней за ним следил, приглядывался к его расписанию. Не думал, что он будет дома. Хотел зайти, забрать и уйти – и всё.

Он на миг замолчал, и сперва Хлоя показалось, что он сейчас расплачется. Но то, что она приняла за страх, постепенно растворилось в настоящем ужасе. До Хьюза доходила тяжесть того, что он натворил, – наконец-то доходила, накрывала и тянула вниз.

– Но когда я вошёл через парадную дверь, он был прямо там, на диване. В руке у меня был ломик, потому что я думал, придётся вскрывать дом. Когда он на меня кинулся и мы сцепились, я просто... я сорвался. Я растерялся, испугался и... я начал бить его ломиком. И не мог остановиться... не мог...

– Что *заставило* вас остановиться? – спросил Роудс.

– Я услышал, как открываются гаражные ворота. Наверное, это жена возвращалась. Я и это учёл. Хотел успеть зайти и выйти до того, как она приедет, понимаете? Я никогда не хотел никого ранить или убить... но я услышал ворота – и остановился. Я увидел, что сделал, и...

Он снова замолчал, всё ещё не в силах произнести это вслух.

– Продолжайте, – подтолкнула Хлоя.

– Я понял, что он мёртв, и мне показалось, что я должен взять *хоть что-то*. Я увидел часы – хоть они и были золотые. Вытащил у него из кармана бумажник и забрал наличные. Восемьдесят два доллара.

– И вы ушли? – спросила Хлоя. – Прямо через дверь?

Хьюз кивнул. – Я даже слышал, как гаражные ворота снова опускаются. Я, должно быть, разминутся с его женой не больше чем на тридцать секунд.

– Вы знали, что он мёртв, когда уходили? – спросил Родс.

– Не наверняка.

Теперь он дрожал; звенья наручников звякали о перекладину, к которой он был пристёгнут. – Но то, как выглядела его голова... и вся эта кровь – я решил, что он никак не мог быть жив. А если и не мёртв, то... скоро бы стал...

– Мистер Хьюз, вам знаком человек по имени Виктор Бьюрман?

Вопрос, похоже, выбил его из колеи – возможно, потому что, на первый взгляд, никак не относился к его поступку. Он задумался на секунду и покачал головой.

– Нет. Нет, не могу сказать, что знаком.

– Вы бывали в Пайн-Пойнте в последние неделю или около того? – спросила Хлоя.

– Да. Там есть маленький магазинчик здорового питания. Я у них витамины покупаю. Это было... в прошлую пятницу, кажется.

Хлоя отступила от стола. Она смотрела на Хьюза, взвешивая его историю и ответы. Такую историю способен сострепать даже плохой лжец. Но чтобы выдать мелочи – дрожь, выражение лица, пропитанное неподдельным страхом, – на это нужен настоящий социопат. По опыту и по внутреннему чутью она понимала: он говорит правду – и до смерти боится последствий. А то, что он сам, без подсказки, добавил такую бытовую мелочь, как витамины, окончательно убедило её.

И потому она была почти уверена: это не тот человек, который убил Виктора Бюрмана. А значит, эти смерти вообще никак не связаны. Конечно, приятно было оказаться правой, но в то же время это бесило: по убийству Бюрмана они снова оказались у разбитого корыта.

– Мистер Хьюз, мы поручим местному управлению полиции вместе с вами составить хронологию: где вы были и что делали с момента, когда вы случайно убили мистера Филдинга, и до момента вашего ареста. Если всё будет достаточно чётко, бюро не придётся вмешиваться. Вы понимаете?

Он кивнул, по-прежнему похожий на растерянного школьника на уроке математики.

– Я просто не понимаю, как всё это произошло. Я не...

– Что-нибудь ещё, агент Роудс? – спросила Хлоя.

– Ничего.

Агенты оставили Хьюза там, где он сидел, – с испуганным и теперь совсем растерянным выражением лица. Едва они вышли обратно в коридор, к ним поспешно подбежал Купер. С ним был ещё один офицер, и оба выглядели так же озадаченно, как Хьюз, когда агенты вышли из комнаты.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет, – сказала Хлоя. – Вы и ваши ребята отлично сработали. Это ваш человек, без вопросов, просто не тот, кого искали *мы*. Если выясните, где он был последние несколько дней, чтобы мы могли исключить его как убийцу Виктора Бюрмана, будет замечательно.

– Да... я тоже не думал, что это он и там, – сказал Купер. – Он такой дрожащий и перепуганный... я даже не представляю, чтобы он был способен на то, что сделал с Филдингом. Господи... вы видели фотографии?

Не желая склоняться полицейских ни в одну сторону, Хлоя лишь кивнула. Она протянула Куперу свою визитку и сказала:

– Пожалуйста, как только у вас будет какая-то хронология, не могли бы вы нам позвонить?

– Конечно, – ответил Купер, хотя было видно: он ещё не уложил в голове, почему они уже уходят.

– Спасибо за ваше время, – сказал Роудс, проходя мимо него вслед за Хлоей к выходу из здания.

Хлоя терпеть не могла, что они ушли почти грубо, но задерживаться и правда не имело смысла. По дороге к машине она лихорадочно перебирала в голове варианты, пытаясь придумать хоть что-то – самую мелочь, – что позволило бы на все сто процентов подтвердить: Кэрол Хьюз не убивал Бьюрмана. Хотя любой толковый полицейский понял бы это, проведя с парнем наедине две минуты.

– Для полиции Колина это удача, – сказал Роудс, когда она села за руль. – Сомневаюсь, что у них часто бывает такая движуха.

– Да, повезло им, – согласилась Хлоя. Потом добавила: – Ты ведь тоже это увидел, да? Он был в ужасе от того, что натворил... будто до сих пор не до конца в это верил.

– Да, видел. Не совсем так, как ожидаешь, чтобы реагировал человек, который зверски убил двоих, когда его допрашивают федеральные агенты.

– Всё равно нам нужно попробовать найти алиби. Посмотрим, что нароят Купер и его люди.

– Согласен, – сказал Роудс. – Но что мы будем делать до тех пор?

Хлоя на секунду задумалась и наконец пожала плечами.

– Обед?

Это было признание поражения, не произнесённое вслух. Хлоя ненавидела думать о том, что убийцу посадили, как о *поражении*, но, как ни крути, простое и будто бы очевидное дело Кэрола Хьюза бросало тень на дело Бьюрмана. Хлоя знала: если между Бьюрманом и Филдингом нет связи, её и Роудса снимут с расследования, и смерть Бьюрмана так и останется нераскрытым убийством, которым займутся местные.

И именно этот страх подсказал ей ещё кое-что: она так отчаянно цеплялась за это дело потому, что не была готова вернуться к драме, которая ждала её дома с Даниэль.

Обед состоял из жирной, но восхитительной пиццы в местной пиццерии и салатов на гарнир. Ели они почти молча, уверенные, что Джонсон или кто-то из его подручных вот-вот позвонит и скажет, что можно заходить. Роудс после ухода из полиции Колина звонила в штаб Бюро, чтобы обновить информацию по делу, и даже в этом разговоре чувствовалась какая-то окончательность. Хлоя не сомневалась: их визит в Пайн-Пойнт уже подходит к концу.

– Тебя всё ещё что-то царапает? – спросила Роудс.

– Почему ты спрашиваешь?

Роудс пожала плечами и вытерла руки салфеткой, уже успевшей пропитаться жиром от их пиццы «Маргарита». – Ты выглядишь обеспокоенной... будто что-то потеряла.

– Наверное, немного, – призналась Хлоя. – Я ни секунды не сомневаюсь, что Хьюз не убивал Бьюрмана. Но вся эта история с Бьюрманом... что-то в Терезе Диас мне кажется стран-

ным. Даже если бы она прямо призналась, что спала с Бьюрманом – а я, кстати, почти уверена, что так и было, – мне всё равно кажется, что в ней есть что-то... что-то, что она скрывает.

– Если они спали друг с другом, может, это было не просто интрижкой, – предположила Роудс. – Может, они любили друг друга?

– Возможно.

Они снова замолчали, прокручивая всё в голове. От пиццы оставалась примерно четверть, хотя обоим агентам уже хватило.

Хлоя ощутила внутри лёгкий сдвиг: возвращение домой становилось всё более реальным. Да, она радовалась, что выбралась из всей этой драмы с Даниэль – пусть и всего на полтора часа езды, – но её по-прежнему очень тревожило, как сестра отреагирует, когда (скорее всего *если*, подумала Хлоя) с ней свяжется ФБР. Всё это испытание завязывало внутри кипящий узел тревоги, и она изо всех сил старалась отодвинуть его в сторону.

Когда у Роудс зазвонил телефон, пока они ждали счёт, обе слегка вздрогнули. Они обе подумали, что это Джонсон, и Хлоя изо всех сил старалась не почувствовать укол обиды из-за того, что он решил связаться с Роудс, а не с ней.

Хлоя внимательно прислушивалась, делая вид, будто ей совсем не интересно, о чём там говорят. Но по коротким репликам Роудс она слышала достаточно. Когда Роудс закончила разговор, выражение её лица подтвердило всё. В нём читались лёгкое раздражение и притуплённое, усталое облегчение.

– Он хочет, чтобы перед отъездом мы отметились в полиции Колина, а потом возвращались домой, – сказала Роудс. – И, если спросишь меня, мы попадём в Вашингтон в самый раз, чтобы успеть выпить по паре бокалов, прежде чем закончить день.

Они расплатились и поехали обратно в полицейское управление Колина. Возвращаясь в город, они проехали прямо мимо того бордюра, где убили Виктора Бьюмана. Ни патрульных машин, ни ленты, огораживающей место преступления, – выглядело это как самый обычный угол на любой улице любого американского города. И это почему-то тревожило Хлою: она знала, что там, на этом углу, были ответы, которые, возможно, так никогда и не найдут – ответы, которые теперь навсегда останутся для неё недостижимыми.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Даниэль балансировала на тончайшей грани между лёгким опьянением и полным пьянством, когда кто-то постучал в её дверь. Она пила, чтобы вбить гвоздь в эту главу своей жизни, запереть её намертво, как сундук с сокровищами, зарытый на дне океана. Работа не позволила ей выйти прошлой ночью – да и сегодня тоже. Но завтра она возвращалась, беря и дневную, и ночную смены. Никогда бы не подумала, что будет рада снова увидеть стрип-клуб – и снова вдохнуть запахи пролитого алкоголя и дешёвого одеколона мужчин у барных стоек.

Но она не могла дожждаться возвращения. Сначала, однако, – небольшой запойчик, что-то вроде того. Давно она не напивалась в одиночку. Она понимала: кому-то это показалось бы жалким и унылым, а ей всегда, наоборот, приносило странное чувство свободы – такое, что она и сама до конца не умела объяснить.

Когда в дверь постучали, она уже успела опрокинуть три «маргариты», взбитые в блендере, – идеальный коктейль, которому научилась на работе. Идя к двери, она гадала, не Хлоя ли это пришла, чтобы снова перемолоть всё с глазу на глаз. Даниэль почти надеялась, что так и есть. С достаточным количеством текилы в крови она скажет вслух то, что трезвая Даниэль сочла бы разумнее проглотить.

Но, открыв, Хлою по ту сторону она не увидела. На площадке стоял мужчина в том, что Даниэль всегда называла «костюмом громилы». Из-за того что её сестра служила в ФБР, она сразу узнала и этот прикид, и чересчур серьёзное выражение лица. Федеральный агент. Он был, похоже, азиатского происхождения, и когда улыбнулся ей, улыбка показалась Даниэль слишком уж ненатуральной.

– Даниэль Файн, верно? – сказал он.

– Это я. А вы...?

– Агент Шин, ФБР. – Он показал жетон, давая ей секунду его рассмотреть, затем сложил удостоверение и убрал во внутренний карман пиджака. – Не возражаете, если я на минутку зайду?

– При всём уважении, а зачем? – спросила Даниэль.

– Ну, хотя я лично с вашей сестрой не знаком, я слышал о том, через что вы прошли там, в Техасе. История, знаете ли, гуляет по управлению. Меня попросили заехать и проверить, как вы.

– Кто попросил?

– Мой начальник. По тому, что случилось там, остались кое-какие хвосты, и мы просто пытаемся их подшить. Разумеется, с вашей сестрой эти вопросы можно закрыть внутри бюро. Но нам нужно получить от вас тоже пару подтверждений и ответов.

Она странно посмотрела на него, но дверь распахнула, впуская. Вспомнилось, как Хлоя говорила по телефону: идёт внутренняя проверка, и если кто-то придёт с вопросами, надо

держаться спокойно. Отказаться впустить федерального агента в квартиру – это, пожалуй, было бы как раз противоположностью «держаться спокойно».

Она отступила в сторону и открыла шире, пропуская агента Шина. Даниэль села за кухонный стол, вежливо, но недвусмысленно давая понять, что глубже по квартире гулять она ему не собирается. Шин уступил и прислонился к кухонной стойке.

– Прежде всего, – сказал он, – как вы себя чувствуете? Я знаю, вы получили несколько травм во время всех этих событий.

– Спасибо, что спросили, – ответила она, изо всех сил стараясь быть обаятельной. – Похоже, со мной всё в порядке. Завтра возвращаюсь на работу и – чего уж там, признаюсь – сегодня я вроде как отмечаю. – Она кивнула в сторону блендера и бледно-зелёного напитка внутри.

Шин улыбнулся:

– Рад это слышать. Теперь мне, пожалуй, нужно спросить, и простите, если это слишком личное: вы собираетесь активно добиваться дела по поиску вашего отца?

– Нет, – сразу сказала она. – Да пошёл он. Единственный случай, когда мне будет на него не плевать, – если он объявится в Вашингтоне и снова полезет к нам с Хлоей.

– Ну, как вы знаете, его приметы разосланы по нескольким полевым офисам. Но мы не можем сделать это приоритетом, если вы не хотите.

Даниэль пожала плечами и отпила из своей очередной «маргариты».

– Мы с Хлоей ещё поговорим об этом, но, по-моему, с ним покончено.

Шин кивнул, словно понял всё до последней мелочи. И вместе с этим кивком по Даниэль прошёлся тонкий укол страха. Она вспомнила, как в безумной спешке рыла яму, как впихнула туда тело отца и как потом торопливо засыпала землёй. Достаточно ли они выкопали глубоко? Не успела ли уже какая-нибудь шустрая лисёнка-воровка набрести и отыскать их отца – как лакомый кусочек?

– Ладно, – сказал Шин. – У меня есть ещё несколько вопросов о том, что произошло, если вы не против.

– Опять? Серьёзно?

– Я понимаю. Но раз ваша сестра – федеральный агент, нам правда нужно убедиться, что мы всё до конца поняли.

– Ну да, наверное, – сказала она. Она прекрасно ощущала, что её развезло. Одна оговорка, одно неосторожное слово – или хотя бы малейшее отклонение от отрепетированной версии, – и они вляпаются по-крупному.

– Вы помните, сколько именно времени вы провели на той заброшенной бойне в Миллсиде? Как долго отец держал вас там?

– Я так и не поняла точно. Может, чуть больше суток. Почти уверена, что мы приехали днём, ближе к закату. И почти уверена, что видела, как солнце садилось ещё раз. Там трудно было разобрать, сами понимаете.

– О, не сомневаюсь.

Да пошёл ты, придурок, – подумала Даниэль. Ей было очевидно: он просто пытается подловить её на несостыковках.

– Можете рассказать, что произошло, когда появилась Хлоя?

– Всё расплывчато, – сказала она. – Я то приходила в себя, то проваливалась... Ну, знаете. Кажется, я несколько раз отключалась... может, просто от усталости, может, от всего этого. Не знаю. Но, кажется, помню, как Хлоя и отец орали друг на друга. Хлоя выхватила пистолет и...

Чёрт, – подумала она. Этого не было в их истории. Более того, они решили, что особенно важно дать понять: она *не* доставала пистолет.

– Да? – спросил Шин. – И?..

– Может, и не выхватывала, – сказала Даниэль, изо всех сил стараясь звучать растерянно. – Я помню, что *мечтала*, чтобы она просто вытащила пистолет и застрелила его. Я этим не горжусь, но так было. А на самом деле я не знаю, доставала она его или нет. По-моему, нет...

Шин на секунду зацепился за это, потом кивнул и перевёл разговор в другое русло.

– И когда именно Хлоя позвонила в бюро, чтобы сообщить обо всём произошедшем?

Этот вопрос её по-настоящему взбесил; казалось, Шин уже не пытается заставить её огорчиться – он пытается обрушить на неё всё разом.

– Не знаю, – огрызнулась она. – Уверена, в бюро есть записи, по которым это можно выяснить.

– Но вы не помните, когда она—

– Нет. Я была слишком травмирована тем, что меня похитил родной отец, чтобы вести точный хронометраж.

– Это понятно, – сказал Шин. Он отвёл от неё взгляд, посмотрел на блендер, тихо усмехнулся и поднялся. – Похоже, вы держитесь нормально. Может, обсудим это в другой раз?

– Или никогда. Больше – ни разу. Это уже четвёртый раз, когда меня через это протаскивают. С какой стати я должна снова и снова терпеть допросы только потому, что вы, придурки, не можете найти моего отца?

Шин будто собирался что-то сказать, но передумал.

– Спасибо за ваше время, мисс Файн. – Он бросил взгляд на смесь в блендере и добавил: – Вы ведь не собираетесь сегодня куда-нибудь ехать за рулём, правда?

Теперь уже она усмехнулась, поднялась, подошла к двери и распахнула её перед агентом Шином.

– Приятного дня, – сказала она.

Шин вежливо улыбнулся и вышел. Как только он исчез за порогом, Даниэль закрыла за ним дверь. Она постояла, прислонившись к ней, и прокрутила в голове каждое сказанное слово. Она чуть не облажалась, упомянув, что Хлоя потянулась за пистолетом. Но, кажется, выкрутилась неплохо. Да и вообще Даниэль не была уверена, что агент Шин так уж рьяно относился к своей задаче.

И всё же ситуация была рискованной. А с рискованными ситуациями она была *покончила*.

Даниэль вернулась к блендеру и вылила его содержимое в свой стакан. Сделав несколько жадных глотков, она поймала себя на мысли, где сейчас Хлоя и не терзает ли её тоже это постоянное чувство тревоги, которое уже начало просачиваться во все уголки её жизни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Для Бенджамина Тимбука день складывался удачно. На работу пришлось прийти пораньше – нужно было починить два сервисных грузовика, а значит, домой он вернётся раньше обычного. В маленьком городке, где он работал в Департаменте транспорта и который был лишь слегка задет вашингтонской суетой, график то разгонялся, то затихал. А если он приедет пораньше, они с Анджелой успеют съездить в Вашингтон поужинать с сыном: тот только что узнал, что его рассказ напечатают в университетской газете. А потом Бенджамин надеялся уговорить Анджелу остаться на ночь в Вашингтоне – снять хороший номер в отеле и как следует «проверить» его пружины и изголовье кровати.

Но чуть после 12:30 ему позвонила Анджела. В трубке она звучала ошеломлённо и встревоженно, и первой его мыслью было: её мать опять упала. В восемьдесят лет, с упрямой подrostковой живучестью, тёща за последний месяц падала дважды: в первый раз треснула плечо, во второй – сломала три пальца на ноге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.